

IV

НАПОЛЕОН И ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX века

В 30-х годах XIX века наряду с романтической литературой о Наполеоне появляются и многочисленные официозные произведения, призванные ответить на идеологическую программу николаевской России — «православие, самодержавие, народность». Отвечая на поставленную задачу, историки, работавшие в этот период, не могли не восхвалять политику Александра I, представляя все действия русских властей на международной арене, как безусловно оправданные, а Наполеона — как руководителя государства, стремящегося к захватам и ущемлению интересов России.

Однако на этом враждебность в основном и заканчивалась. Не следует забывать, что император Николай I, будучи основателем последовательного казенного патриотизма в прессе и историографии, был обожателем Наполеона не менее многих романтических юношей его эпохи. Вот что написал о царе его современник французский дипломат Поль де Бургуэн, в молодости служивший в Великой Армии: «Будучи слишком юным, чтобы принять участие в войнах Империи, он [Николай] остался далеким от вражды и застарелых предубеждений. Для него император Наполеон был историческим персонажем, великим полководцем, заслуживающим уважения. В нашем первом разговоре он затронул многие военные сюжеты, выразив мне восхищение французской армией (наполеоновской эпохи). Особенно он хвалил великолепную подготовку нашей артиллерии и инженерных войск, высокое понятие о чести наших офицеров и интеллектуальное развитие наших солдат. Узнав о том, что я служил в императорской гвардии и провел в ее рядах последние кампании [эпохи Империи], он просил меня во всех деталях изложить, как формировался и как был организован этот элитный корпус...». Бургуэн, рассказывая о том, как представители французского посольства последовали за Николаем на театр русско-турецкой войны 1827–1828 годов, подчеркивает, что император «особо проникся дружескими чувствами к герцогу Мортемару, ибо последний был офицером-ординарцем Наполеона, а в глазах императора [Николая] это было большим достоинством и выгодным отличием».

Для своего рабочего кабинета Николай I заказал в 1838 году известному французскому художнику Орасу Верне огромное полотно «Наполеон на параде императорской гвардии перед дворцом Тюильри». Говорят, что царь, мотивируя

это не слишком очевидное для русского монарха решение, произнес фразу: «Эта картина будет в моем кабинете. Я хочу иметь перед глазами императорскую гвардию, ибо она могла нас разбить». Ясно, что это было не единственное качество, за которое Николай желал иметь постоянно перед глазами французских гвардейцев. Необходимо отметить, что многие черты организации армии, а также детали униформы и снаряжения были по рекомендации царя напрямую заимствованы у наполеоновской армии. Чего только стоят высокие медвежьи шапки дворцовых гренадер, в точности повторяющих головной убор французских гренадеров эпохи Наполеона!

Наконец свою любимую дочь, красавицу Марию, император Николай выдал за герцога Лейхтенбергского. Под этим именем фигурировал не кто иной, как сын Евгения Богарне, который в свою очередь был сыном жены Наполеона, Жозефины, от первого брака. Наполеон усыновил Евгения, и в эпоху империи последний стал вице-королем Италии, а в 1812 году командиром IV корпуса Великой Армии. Таким образом, герцог Лейхтенбергский был внуком жены Наполеона и в некотором смысле внуком самого императора французов. Кроме этого, тетка герцога Лейхтенбергского — Гортензия Богарне — была не только приемной дочерью Наполеона, но и вышла замуж за Луи Бонапарта, брата императора! Получалось, что династия Романовых в своей боковой ветви породнилась с династией наполеонидов! Это никоим образом не остановило царя, который, несмотря на ряд недовольных высказываний, не только выдал свою дочь за выходца из наполеоновской династии, но и подарил молодым феноменальный подарок — роскошный Мариинский дворец на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге.

Ясно, что историки, призванные представить события с «политически правильной» стороны не могли не учитывать все эти особенности. Поэтому официальная историография николаевской эпохи представляет Наполеона великим человеком, великим полководцем, великим государственным деятелем, порицая, что вполне естественно, его внешнюю политику и в особенности войну с Россией. В изображении же последней в духе «триединой теории» делались акценты на верноподданнические чувства и демонстрации единения сословий вокруг монарха в борьбе с агрессором.

Этим критериям в полной мере отвечают такие фундаментальные труды той эпохи, как «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году», «Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах», «Описание Отечественной войны 1812 года» А. И. Михайловского-Данилевского; «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам» и «Поход 1796 года Бонапарта в Италии» М. И. Богдановича, и его же, пусть и написанную чуть позднее, «Историю царствования императора Александра I».

Так в соответствии с правильной для своей эпохи точкой зрения М. И. Богданович в «Истории Отечественной войны» называет Наполеона «грозным завоевателем», «гением, увлекаемым страстями», но всегда высказывается о французском императоре только с почтением. В своем «Походе 1796 года Бонапарта в Италию» тот же автор с удовольствием воздает дань уважения молодому герою: «Подвиги французского полководца и генералов его при Лоди, Арколе, Монте-Леджино не раз были прославляемы пером и кистью; воззвания Бонапарта

и теперь считаются образцами высокого военного красноречия... лишенный содействия прочих армий, он окончил славную войну не менее славным миром и тем довершил совершенные подвиги».

Официозные мемуаристы, такие как генерал-фельдмаршал Паскевич, генерал Коновницын, князь Горчаков, граф Воронцов, граф Сен-При писали примерно в том же стиле, что и известные историки. Вполне очевидно, что эти люди, посвятившие борьбе с наполеоновской империей немалую часть своей жизни, сражавшиеся в генеральских чинах, высказываются о неприятеле резче, чем их значительно более молодые коллеги А. И. Михайловский-Данилевский (родился в 1789 г., участник войн 1812–1814 гг.) и М. И. Богданович (родился в 1805 г. и в наполеоновских войнах не участвовал). Впрочем, они всегда соблюдали определенный такт, к тому же образ Наполеона в написанных по официальному заказу воспоминаниях практически отсутствует. Главное внимание генералы уделяют описанию боевых действий вверенных им войск, которые представлены, разумеется, с наиболее выгодной для авторов стороны.